

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

© 2005 г.

Е. В. Антонова

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖГУТОВИДНЫХ МОТИВОВ НА ВЕЩАХ БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

В настоящее время взгляд на создаваемые людьми вещи как знаки, при помощи которых их создатели строили свою картину мира, получает все больше подтверждений. Наибольших успехов достигли этнологи, имеющие своим объектом «живые» культуры. В то же время знаковое содержание, значение (смысл) вещей и составляющих их элементов для носителей археологических культур до сих пор все еще относительно мало интересует археологов, а специалисты других областей – культурологи, религиоведы – в незначительной мере обращаются к археологическим материалам в силу их источниковедческой специфики.

В этой статье речь пойдет об условных мотивах, облик которых дает меньше указаний на их семантику и смысл, чем мотивы фигуративные (хотя и при интерпретации последних легкость прочтения нередко оказывается иллюзорной). Семантика их мало интересует исследователей изобразительных памятников, сосредоточивающих внимание на образах зоо- и антропоморфных существ, гораздо реже – геометрических фигурах.

Объект анализа в этой статье – жгутовидные мотивы – принадлежат памятникам и культуре, время существования которой остается не вполне определенным – начало формирования Бактрийско-маргианского археологического комплекса (далее – БМАК) датируют второй половиной III тыс. до н.э. или первой половиной II тыс. до н.э., а конец его доводят до последних веков I тыс. до н.э.¹ Это сложная проблема, но поскольку главные объекты анализа в этой работе – печати-амулеты, хотелось бы отметить, что такой чуткий исследователь, как П. Амье, относил время максимального подъема глиптики БМАК к I Вавилонской династии и аморитским царствам².

Этническая принадлежность его носителей также далека от ясности. Тем не менее этот яркий феномен древней культуры Центральной Азии представляет, скорее всего, несмотря на локальные особенности, целостное явление, генетически связанное с южнотуркменистанской и локально близкими ей культурными традициями неолита и ранних этапов бронзового века³. Богатство материальной культуры этого комплекса позволяет в большей степени, чем это обычно позволяют археологические данные бесписьменных культур, проникнуть в духовный мир ее носителей.

¹ Публикации по этой теме весьма многочисленны, поэтому упомянем лишь некоторые: *Сарианиди В.И.* Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990; *он же.* Древневосточное царство Маргуш в Туркменистане // *Мировоззрение древнего населения Евразии.* Сб. ст. М., 2001; *Salvatori S.* Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and a Typological Survey // *East and West.* V. 50. № 1–4.

² *Amiet P.* L'âge des échanges inter-iraniens. 3500–1700 avant J.-C. P., 1986. P. 198.

³ *Антонова Е.В.* «Цивилизация Окса»: признаки преемственности развития и чужеземных влияний // *Миф* 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001.

Проведенный анализ жгутовидных изображений на вещах БМАК показал, что они могли уподобляться очевидно фигуративным мотивам, в частности, изображениям змей, а также передавать вполне конкретные вещи – веревки, нити, т.е. быть иконическими знаками. Вообще склонность к редуцированию деталей изображаемого объекта, даже вполне фигуративного, присуща созданиям носителей культур традиционного типа – орнаментализируются элементы фигур животных, растений, антропоморфных существ и целые композиции; «...модели, получаемые в результате воспроизведения всего лишь нескольких характерных черт объекта, почти всегда являются простыми, правильными и симметричными»⁴. Для создания орнаментальных мотивов используются изображения животных и человеческих фигур, их элементы, растения, части ландшафта. Примеры такого рода широко представлены в изобразительных памятниках БМАК.

С.В. Иванов, знаток орнаментального искусства, справедливо писал: «...в определенных исторических условиях орнамент не только мог, но и в действительности выполнял изобразительную роль, даже в тех случаях, когда состоял из одних лишь геометрических узоров»⁵. Из этого следует существенный вывод: один из путей исследования семантики орнамента – анализ вариантов мотивов одного типа; изменчивость орнаментальных форм не затемняет, а проясняет символическое значение каждой из них и всех их вместе.

Древние вещи и изображения на них при их анализе как носителей информации об образе мира своих создателей обладают разной «разрешающей способностью». Особенно высок был семиотический статус вещей, так или иначе принадлежащих сфере ритуала, теснейшим образом связанного с образом мира. В БМАК среди них – печати-амулеты с разнообразными изображениями. Они явились объектом многочисленных исследований, в том числе посвященных реконструкции значения и смысла этих изображений.

Хотя бактрийские древности объединены В.И. Сарияниди с маргианскими в один комплекс, между печатами-амулетами отмечаются некоторые различия. Найденные на территории Бактрии более разнообразны и многочисленны, чем маргианские, но они в основном происходят из грабительских раскопок. Число же маргианских возрастает от одного сезона раскопок к другому. Общность многих признаков позволяет предполагать, что за образами этих вещей, как и за другими ритуальными и бытовыми предметами, планировкой сооружений особого назначения и т.д. стояли очень близкие представления людей, обитавших на обширной территории, представления, составлявшие в конечном счете их картину мира.

Опубликованные В.И. Сарияниди материалы показывают, что печати-амулеты БМАК представляют весьма своеобразный комплекс. Здесь преобладают металлические печати-штампы, чего нет ни в каком другом более или менее отдаленном регионе эпохи бронзы. Это литые перегородчатые или ажурные предметы из сплавов меди, редко – драгоценных металлов. На территории Бактрии и Маргианы наиболее распространенной формой плоских печатей-амулетов был круг, как правило, имеющий ободок в виде одинарного или двойного гладкого бортика или жгута, в который вписаны геометрические или фигуративные мотивы⁶. Именно эти образцы с преобладанием геометрических мотивов, а не изображения антропо- и зооморфных (при том, что и последние нередко орнаментализируются) существ составляют абсолютное большинство в опубликованных материалах, что указывает на глубокие местные корни изобразительной традиции носителей культуры БМАК. Среди них сейчас очевиден

⁴ Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974. С. 130.

⁵ Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. Тр. Ин-та антропологии и этнографии им. П.Н. Миклухо-Маклая. Нов. сер. Т. 81. Л., 1963. С. 6.

⁶ Клочков И.С. Глиптика Маргианы (принципы описания и классификации) // ВДИ. 1997. № 1. С. 114; Sarianidi V. Myths of Ancient Baktria and Margiana on its Seals and Amulets. Moscow, 1998. P. 23.

один из возможных источников – орнаменты сосудов и украшений-амулетов анауской культуры юга Туркменистана эпох энеолита–ранней бронзы. В те времена жгутовидные мотивы не наносились на вещи, вероятно, потому, что уровень развития ремесла и использовавшиеся материалы (в основном глина и камень) делали их нанесение затруднительным. По-видимому, в изображении этих мотивов также еще не было потребности: лишь ограниченное количество знаков продолжало указывать на обряды и обрядово-мифологические тексты, функционирующие в малодифференцированных сообществах, где информация передавалась преимущественно по типу устной трансляции, непосредственно от адресанта к адресату.

Широта распространения жгутовидного орнамента и его разновидностей (среди них – спирально-ленточный орнамент, «бегущая волна», криволинейный меандр, восьмеркообразные и другие фигуры⁷) как в древности, так и в современном мире, позволяет предполагать, что в основе его лежат некие реальные вещи, игравшие немалую роль как в практической деятельности людей, так и в осмыслении ими мира, поскольку эти процессы выступали как взаимосвязанные и взаимозависимые. С вещами, изготовление которых вызывалось практическими потребностями жизни, неизбежно ассоциировались явления и формы природы. При этом, что естественно для архаичных культур, как создания человеческих рук, так и явления природы осмыслялись образно-мифологически. Плетение из прутьев, растительных волокон, изготовление кожаных вещей, а с переходом к производящему хозяйству – прядение шерсти животных и ткачество – одни из древнейших видов деятельности, позволявшие людям адаптироваться к разнообразному природному окружению. Не удивительно, что действия по созданию таких материалов и вещей воспринимались как чрезвычайно важные для существования человека и всего мира. Мотив нити, ткани фигурирует в создании сложного, пестрого, противоречивого, но по своему логичного и четко структурированного образа мира, по всей вероятности, у всех народов древних и традиционных обществ. Примеры такого рода будут приведены ниже.

Жгутовидное обрамление металлических печатей-амулетов БМАК представлено несколькими разновидностями, образцы которых в большей или меньшей степени имитируют витой шнур или веревку. Наряду с реально узнаваемой веревочкой известны «вырожденные» варианты – случаи, когда изображение не рельефно, а передается насечками или ободком из ажурной прямой или косой решетки. Как вырожденные варианты можно рассматривать волнистый или зубчатый край (рис. 1). Недокументированность преобладающего количества образцов не позволяет выяснить, имела ли место трансформация мотива во времени или различия объясняются разным качеством и значимостью синхронно бытовавших вещей.

Рассмотрение показывает, что близко имитирующий веревочку ободок или декоративно трансформированный – крупноплетеный или с дополнительным элементом в петлях – обрамляет изображения, наделявшиеся особым смыслом, в том числе престижные вещи, обладающие повышенным семиотическим статусом. В дальнейшем примеры такого рода будут приводиться в скобках по каталогу В.И. Сарияниди⁸ без дополнительных ссылок на это издание.

Наиболее проработанный жгут обрамляет фигуры «крылатой женщины» (613), «женщины на драконе» (16, 18), мифического персонажа в волнах (46). С крупноплетеным обрамлением связаны изображения пирующих мужчины и женщины (48), «орла» (137, 56–158, 160, 165, 170, 206). С имитацией плетения в виде насечки связаны изображения «женщины со львами» (36), двуглавого орла (125). Зубчатый край, по-видимому, являющийся вариантом жгутовидного, обрамляет изображения антропоморфных, в том числе крылатых существ (4, 9, 15, 38, 62), а также фигуры «орлов», козоподобных животных у дерева, зайца (126, 132, 135, 162, 1561, 1564, 1567, 121).

⁷ Иванов. Орнамент народов Сибири... С. 346–347.

⁸ Sarianidi. Myths of Ancient Baktria...

Рис. 1. Металлические печати из погребений некрополя Гонура (по В.И. Сарияниди)

Другие выявленные варианты оформления ободка дают более или менее близкий набор таких мотивов. Остается обратить внимание на интересную деталь: гладкие обрамления, как правило, имеют два бортика – внутренний и внешний, т.е. в них воплощается та же идея сочетания (в основном, хотя есть и более сложные варианты) двух полос, что и в жгутовидных вариантах, однако, она выражена иным, более простым в исполнении способом. Таковы обрамления фигур крылатых мужских и женских персонажей, иногда изображавшихся с животными (2, 3, 6–8, 10–14, 17, 19, 20, 37, 40). Примечательно, что на образцах из Бактрии таким образом оформлены довольно многочисленные изображения обезьян (68–73).

Многие данные показывают, что с мотивом веревки сближалась змея. Известны образцы, в которых две извитые змеи образуют круг (49, 50). Это столь популярное в изобразительных памятниках БМАК существо обычно предстает как извитое (232–249, 265–266, 1649, 1655). Извитость, способность переплетаться – одна из характерных признаков змей. На эту особенность носители традиционных культур, как и мастера всех времен и народов, обращали внимание. В материалах БМАК можно обнаружить множество изображений змей (250–257, 1570–1571), которые имеют аналогии в разных культурах, причем значительно отстоящих от него во времени и пространстве.

Именно распространенность сходных изображений змей заставляет с осторожностью относиться к сопоставлениям с месопотоамо-иранскими материалами при датировке БМАК в сторону удренения⁹. Так, две перевитые змеи образуют рукоять металлического кинжала (рис. 2, 2) из погребения на Гонур-деле и разительно напоминают костяную рукоять каменного кинжала из неолитического анатолийского Чатал Хююка¹⁰. Ра-

⁹ Winkelmann S. Bemerkungen zum Grab 18 und den Silbernadeln von Gonur-depe // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd 30. B., 1998.

¹⁰ Mellaart J. Catal Hüyük. A Neolithic Town in Anatolia. L., 1967. P. 213. Fig. 54.

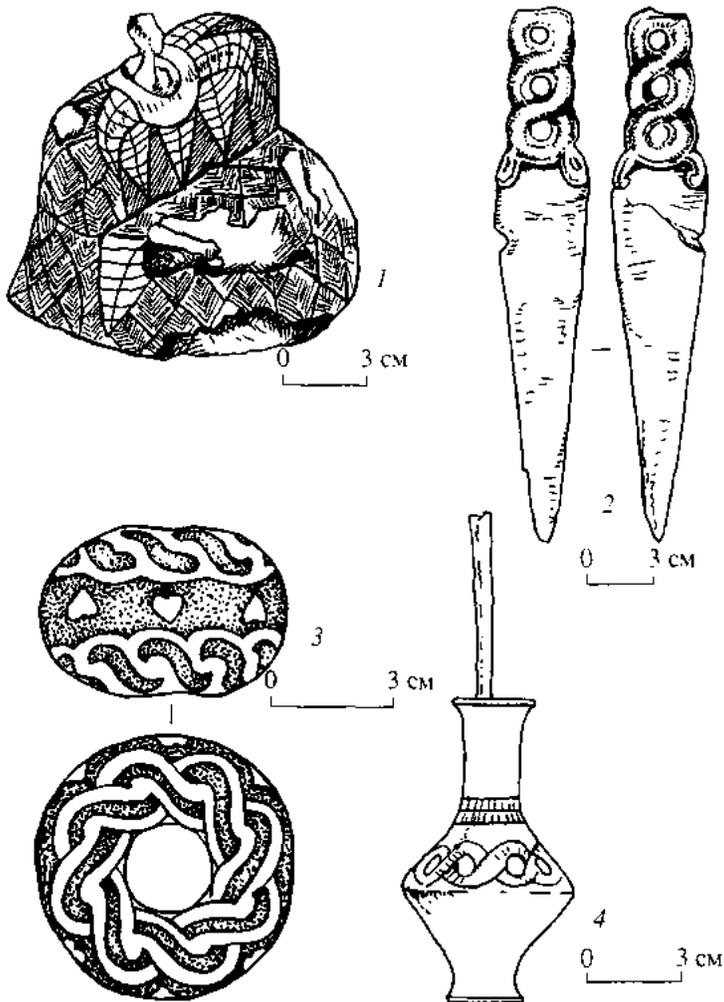

Рис. 2. Вещи из погребений некрополя Гонура (по В.И. Сарваниди)

зумеется, ни о какой генетической связи создателей этих вещей на таком основании не может быть речи. Способность змей в определенные сезоны образовывать клубки под организующим эти скопления взглядом мастера приводила к сложению плетенки – ее может образовывать змееподобный дракон (250–257). Такая плетенка может быть восьмеркообразной или четырехлепестковой (915, 1632, 1639). Подобная фигура, но без змеиных признаков, украшает прорезное металлическое навершие каменного ритуального скипетра (рис. 2, 3)¹¹. Характер плетения часто создает впечатление динамичной фигуры, вихревой розетки.

Со жгутовидным орнаментом образ мифологической змеи сближает и размещение ее рядом со стилизованно переданными горами. На Гонуре в Маргиане был найден каменный сосуд, имеющий форму низкого цилиндра на ножке. В нижней его части вырезаны стилизованные горы и цветущие растения, выше – два яруса жгутовидного орна-

¹¹ Сарваниди В. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001. С. 55.

мента, разделенные зигзагами¹². Из Афганистана происходит цилиндрический каменный сосуд с изображением змея с признаками дракона (форма пасти, рог, борода), в извивах тела которого – условно переданные горы¹³. Известен случай, когда тело змея снабжено насечками, напоминающими стилизованный жгут¹⁴. Орнаментализация изображений змеей известна и в других традициях – так, у древних земледельцев Европы они приобретали вид спирали¹⁵. Образ змеи у носителей БМАК был явно связан с космогоническими представлениями, поэтому-то он и играет чрезвычайно важную роль, сочетаясь с образами антропо- и зооморфных существ, растениями, водой, определенными сезонами, в первую очередь весной¹⁶. Форма тел и «пестровидная» из-за чешучатости их поверхность, их способность «омолаживаться», меняя кожу, особенности поведения змей, их принадлежность к нижнему, хтоническому миру, способность окружать, обвивать, свиваться жгутовидно в определенные моменты их жизнедеятельности сделали змею одним из важных культурных знаков, среди которых – восприятие признаков змеи как близких «нити жизни». И это создание человеческих рук и порождение природы наделялись неким общим смыслом – они ассоциировались с мотивом возникновения и возрождения жизни, ее окружающей защитой.

В многочисленных исследованиях змея предстает как один из важнейших элементов космогенеза и космограмм. В космологических моделях змея нередко располагается на краю света и одновременно в его низу. Судя по всему, такие представления не были чужды и носителям БМАК. Как уже говорилось, змеивидные существа окружают поле изображения, но и располагаются в его нижней части. Из Маргианы происходит каменная цилиндрическая печать, на стенке которой изображены сверху птица, рыба, антропоморфная фигура (фрагментированная), крылатый дракон, а внизу волнистая змея (1771).

Ассоциация витого шнура и змеи прослеживается в разных культурах, но для нашей темы существенный интерес представляет традиционная культура Средней Азии. В некоторых регионах двуцветная веревка рассматривалась как охраняющая от змей. Змея символизировала плодородие – опоясывание змеей считалось способствующим деторождению¹⁷. Будучи элементом изобразительного поля, в образцах глиптики и на других вещах БМАК жгут не только окружает, заключает разнообразные фигуры, но и делит изобразительное поле на зоны (1634 – каменный штамп в виде фигуры верблюда, 1776 – цилиндрическая печать), и в этом случае играя роль границы. Подобное место жгут занимает на печатях других древневосточных культур (см. ниже).

Вережка, ремень, все, что способно окружать, – знак границы в культуре. С ним связаны такие обряды, как окружение некоего места от злых сил при помощи веревки, ношение украшений-амулетов в виде часто витых браслетов, поясов, шейных и головных украшений (примеры приводятся ниже). На территории Маргианы обнаружены витые металлические браслеты¹⁸, а облачение каменных женских фигур окружено у ворота орнаментированной полосой (рис. 2, 1). Окружение, окольцовывание имеет цель защитить человека от внешних вредоносных сил и в то же время в процессе ритуала не допустить ухода вовне внутренней сакральной силы. В обрядах различной на-

¹² *Он же*. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад, 2002. С. 131.

¹³ *Potier M.-H.* Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. P. 1984. P. 164. Fig. 225.

¹⁴ *Ibid.* P. 165. Fig. 31, 231.

¹⁵ *Балабина В.И.* К прочтению змеиных изображений спиралевидного орнамента древних земледельцев Европы // ВДИ. 1998. № 2.

¹⁶ *Francfort H.-P.* Dungeons and Dragons: Reflections on the System of Iconography in Prehistoric Bactria and Margiana // *South Asian Archaeology Studies*. V. 4 / Ed. G. Posshe. New Delhi–Bombay–Calcutta–Oxford, 1992; *Антонова Е.В.* «Змея» и «орел» в глиптике «цивилизации Окса» // ВДИ. 2000. № 2.

¹⁷ *Чвырь Л.А.* Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // *Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности*. М., 1983. С. 125, 130–131.

¹⁸ *Сарианиди.* Древности страны Маргуш... Табл. XXXVI, 37–38.

правленности веревка ограничивает сакральное пространство от профанного и обладает амбивалентными признаками – как защищающими, так и опасными¹⁹.

Поиски генезиса згутовидных мотивов БМАК и потребность интерпретации их смысла естественным образом заставляют обратиться к материалам Месопотамии – родины множества явлений культуры на Востоке, а также в Иран – соседний с территорией БМАК регион. Г. Фрэнкфорт в своей замечательной книге²⁰ уделил внимание и мотивам плетенок (*guilloche*) на древнем Ближнем Востоке. Он возражал против бытовавшего уже тогда мнения, что они имели сирийское происхождение, считая, что их знали в Месопотамии с раннединастического времени, а относительная редкость их в те времена может объясняться тем, что они помещались на вещах из нестойких материалов (шерсти, коже, изображались в стенописях)²¹. Но так или иначе, этот мотив становится весьма распространенным в начале II тыс. до н.э. и особенно популярен в митанийской глиптике (и – добавим – на других вещах), где в связи с особенностями технического исполнения он мог упрощаться, а также сближаться со спиральным узором²². Примечательно использование этого мотива как разделяющего все поле изображения или его часть (такие образцы известны в глиптике БМАК). Нельзя исключать возможности того, что плетенка, разделяющая ярусы изображения во II тыс. до н.э., пришла на смену, в частности, волнистым линиям, разделяющим изобразительное поле, и на других вещах в Месопотамии начиная с конца IV тыс. до н.э.

Г. Фрэнкфорт обратил внимание на символ из двух перевитых змей и многорядную змеиную плетенку, известную в Месопотамии (и соседней Сузиане) еще с конца IV тыс. до н.э. Яркий образец такого рода – изображение на сосуде, посвященном Гудеа Нингизиде, хтоническому божеству, связанному с плодородием. Центром композиции является пара перевитых змей (кадуцей). На связь змей и бога в змеевидной форме с растениями, а значит с плодородием, указывают изображения на месопотамских печатях²³.

В культуре Сузианы, которая близка культуре Нижней Месопотамии, к концу IV тыс. до н.э. относятся изображения двух переплетенных змей²⁴. На связь этих образов с растительной символикой указывают образцы, где внутри петель этих существ помещены многолучевые розетки цветочного облика²⁵. К этой же эпохе относится сложная многорядная плетенка из одной змеи, рядом с которой располагается лев²⁶.

Эпохе царей Аншана и Суз (начало II тыс. до н.э.) принадлежит изображение плетенки из четырех петель, подобное известной с территории БМАК²⁷. О том, что такая плетенка могла состояться из змей, свидетельствует рельеф из битума периода архаических династий (судя по стоящим по сторонам жрецам, змеиный символ был объектом поклонения)²⁸. «Витые» и «зубчатые» обрамления, окружающие группы животных, встречаются на цилиндрических печатях Сузианы периода Сузы III²⁹. Здесь такие обрамления, очевидно, изображают загоны или ловушки, т.е. нечто, ограничивающее пространство, сооружение, имеющее целью удержать животных внутри.

Конечно, в связи с интересующим нас мотивом интересны мифологические представления о прядении и ткачестве в Месопотамии. Здесь почитали ткачиху Утту, деятельность которой была связана с овцами, но также, что симптоматично, изображаемой с повязкой царственности. До появления в начале времен этой богини, но также и

¹⁹ *Топорков А.Л.* Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 101. Прим. 33.

²⁰ *Frankfort H.* Cylinder Seals. A Documentary Essay on Art and Religion of the Ancient Near East. L., 1939.

²¹ *Ibid.* P. 240.

²² *Ibid.* P. 183–184.

²³ *Ibid.* P. 26, 119–120.

²⁴ *Amiet P.* Glyptique susienne. V. 2. P., 1972. № 474–482.

²⁵ *Ibid.* № 485, 488.

²⁶ *Ibid.* № 484.

²⁷ *Ibid.* № 1721.

²⁸ *Amiet.* L'âge des échanges inter-iraniens... III. 65.

²⁹ *Ibid.* III, 49, 3.

овец, не существовала «повязка царственности». Судя по текстам, с нитью связывалось представление не только о царственности но и о жизни³⁰. На это указывают функции Гулы, обрезкающей пуповину, назначающей судьбу, и ее разновидности Нинтинугги, владычицы жизни и смерти, крепящей жилы жизни, видящей нутро³¹. Ассоциация пуповины и жил с нитью или веревкой вряд ли может вызывать сомнения. В семантическое поле этих вещей естественным образом входят представления о связывании и развязывании (ритуалы на мужскую силу и рождение ребенка)³². Сплетенность, связанность как условие жизни замечательно звучит в заклинании для роженицы: в водах потока сложились кости, зародыш. Руки младенца связаны во тьме. Асалухи, сын Энки, разорвал узы, что его держали. Он и богиня-мать готовят пути³³.

Обитатели Месопотамии в обрядах использовали обязки из шерсти, помещавшиеся на разные части тела; в этой связи очень ценны указания в текстах. По смыслу обращение с ними было то же, что с узлами. – завязывание и развязывание, освобождение от напасти. В одном из ассирийских ритуалов Иштар отдавала приказ неродулам, которые должны были пряхть пеструю нить из белой и черной шерсти, рассеивающую чары. Ею обвязывали голову, руки, ноги, затем срывали и отправляли в пустыню. Примечательны указания на пестроту нитей, в частности, при лечебных обрядах, с чем еще придется встретиться³⁴. На круговое оплетение переходила напасть, которую затем удаляли. В различных заклинаниях говорится о создании магической границы, препятствующей злу³⁵.

Пестрота, многоцветность веревки, ткани и змеи – мотив, характерный для ритуалов и, разумеется, стоящих за ними мифологических представлений. Таким образом достигалась идентификация ритуала или носящего соответствующий знак человека со структурами, в конечном счете восходящими к образу мира в его полноте, завершенности. Нити, в частности, символизируют его элементы. Отчетливо этот мотив звучит в повествовании Иосифа Флавия о завесах скинии и священническом облачении: «Завесы, сотканые из четырех сортов материала, служат эмблемою стихий, при чем виссон очевидно напоминает землю, которая родит лен, пурпур – море, окрашивающееся в пурпурный цвет кровью рыб, фиолетовый гиакинф – лазоревый воздух, а багряный цвет служит символом огня. Льняной хитон первосвященника также напоминает о земле, фиолетовые нити его – небосклон ...наплечник также – изображение всей созданной Господом Богом природы, почему, мне кажется, он и создан из четырех родов материала, причем вотканые в него золотые нити, по моему мнению, должны напоминать о всюду проникающем свете»³⁶.

Множество указаний на ритуальные предметы и ритуальные действия содержится в анатолийских текстах. Они для нашей темы тем более интересны, что в анатолийской глиптике широко представлены жгутовидные мотивы.

Элементы сходства изображений на анатолийских и сирийских цилиндрах и штампах и в глиптике БМАК отмечались неоднократно, в том числе таким знатоком ближневосточных древностей, как П. Амье³⁷. В.И. Сариниди со ссылками на других исследователей писал, что витой жгут на печатях Бактрии и Маргианы генетически связан с мотивами сиро-хеттского искусства³⁸. В связи с этим отметим, что С. Сальватори

³⁰ От начала начал. Антология шумерской поэзии / Вступ. статья, перевод, комментарии, словарь В.К. Афанасьевой. СПб., 1997. С. 74, 76.

³¹ Там же. С. 331, 338.

³² Когда Ану сотворил небо. Литература древней Месопотамии. М., 2000. С. 218, 226.

³³ Я открою тебе сокровенное слово. Литература Вавилонии и Ассирии / Пер. с аккадского. М., 1981. С. 200.

³⁴ Фоссе Ш. Ассирийская магия. СПб., 2001. С. 133–134, 217, 234.

³⁵ Емельянов В.Б. Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003. С. 202–203, 206, 217.

³⁶ Иосиф Флавий. Иудейские древности / Пер. с греч. Г.Г. Генкеля (СПб., 1900). Т. 1. Минск, 1994. С. 136–137.

³⁷ Amiet. Les échanges... P. 190, 198.

³⁸ Сариниди В.И. Сиро-хеттские божества в бактрийско-маргианском пантеоне // СА. 1989. № 4. С. 20.

считает вопрос о связях сиро-анатолийских печатей-штампов XIX–XVIII вв. до н.э. и глиптики БМАК на основании сходства мотива плетенки (из чего следует поздняя датировка печатей БМАК, против которой он возражает) отнюдь не решенным, но открытым³⁹.

Примечательно бросающееся в глаза общее типологическое сходство форм анатолийских печатей и доминирующих на них изображений и комплекса глиптики БМАК. Для обоих характерно преобладание печатей-штампов, а не цилиндров, распространение которых связывают с влиянием со стороны Месопотамии лишь в период существования ассирийских колоний⁴⁰. Н. Озгюч отмечает популярность на штампах геометрических мотивов, символов, не композиций, а отдельных фигур и распространенность на анатолийских печатях мотивов плетенки, а также занимавших их место спиралей, появившихся в результате связей с эгейским миром⁴¹. Среди опубликованных ею печатей несколько образцов круглых штампов со жгутовидным обрамлением обнаруживают поразительное сходство с происходящими из БМАК⁴². На значение жгутовидных и спиральных мотивов проливают свет ситуации, когда вместо них изображаются потоки воды⁴³, что позволяет предполагать тождество обоих мотивов.

Сближает анатолийскую глиптику с глиптикой БМАК и то обстоятельство, что на цилиндрических печатях часто изображаются круги с различными заполняющими мотивами, которые Н. Озгюч связывает в основном (но не исключительно) с астральной символикой, считая их происхождение местным⁴⁴. Возникает вопрос, который мы (пока?) вынуждены оставить без ответа: только ли типологическое сходство лежит между этими мотивами и комплексом БМАК?

Среди находок в анатолийском Карахююке, в которых видят истоки хеттского искусства эпохи расцвета, много глиняных (!) штампов круглой формы с жгутовидными мотивами, при этом представлены многорядные жгуты⁴⁵. И здесь наблюдается немалое сходство с глиптикой БМАК, но обращает на себя внимание специфика материала, отсутствие металлических образцов.

Хеттские печати-штампы с ручками представляют собой круглое поле, которое обрамляют жгутовидные мотивы, спирали, пряди, внутри помещены иероглифы и символы⁴⁶. Жгутовидные плетенки, соседствуя со спиральями, обрамляют или окружают изображения на особенно замечательных хеттских цилиндрических печатях, в частности, на знаменитом цилиндре Тышкевича⁴⁷.

В связи с исследованиями переднеазиатской глиптики уже давно был поставлен вопрос, актуальный для темы настоящей работы: являются ли жгутовидные и близкие им спиральные мотивы чисто орнаментальными или в них можно видеть символы? Х. фон дер Остен, следуя исследовательской традиции своей эпохи, полагал, что первоначально эти мотивы играли символическую роль, а затем становились орнаментальными⁴⁸. Он же обратил внимание на возможность символической связи между образом змеи и жгутовидным орнаментом⁴⁹.

Нередко, никак не аргументируя, такие мотивы интерпретируют на основаниях, которые, вероятно, у авторов существуют, но не приводятся ими. Так, о значении инте-

³⁹ *Salvatori*. *Bactria and Margiana Seals...* P. 124.

⁴⁰ *Özgülç N. Kültepe Mühür Baskılarında Anadolu Grubu. The Anatolian Group of Cylinder Seal Impression from Kültepe. Ankara, 1965. P. 47.*

⁴¹ *Idem. Kanış Karumu İb Kati Mühürleri ve Mühür Baskilari. Seals and Seal Impressions of Level Ib from Karum Kanish. Ankara, 1968. P. 45–46.*

⁴² *Ibid. Pl. III, 2; VIIc: XXXVIII.*

⁴³ *Ibid. Pl. XIc.*

⁴⁴ *Özgülç. Kültepe Mühür...* P. 74.

⁴⁵ *Alp S. Zylinder- und Stempelsiegel aus Karahöyük bei Konia. Ankara, 1968.*

⁴⁶ *Contenau G. La civilisation des Hittites et des Hurrites du Mitanni. P., 1936. P. 151–153.*

⁴⁷ *Ibid. P. 151–152.*

⁴⁸ *Osten H.H. von der. Ancient Oriental Seals in the Collection of Mr. Edward T. Newel. Chicago, 1934. P. 143, 145.*

⁴⁹ *Idem. The Snake Symbol and the Hittite Twist // AJA. 1926. Ser. 2. № XXX.*

ресующих нас мотивов на хурритских печатях Н.Б. Янковская говорит, что это «плетенка вечности»⁵⁰; этот вывод предполагает, что она понимает семантику мотива в переднеазиатской культуре, но не считает необходимым в кратком очерке останавливаться на аргументации. Х. Фон дер Остен полагал, что символическим значением жгутовидный мотив обладал, когда располагался вертикально⁵¹. Это было в композициях, когда он играл роль центра. Но нельзя ли предположить, что и в иных ситуациях он не был простым орнаментальным мотивом?

При исследовании визуальных текстов мы имеем перед собой не конгломерат случайных элементов, а их систему. При этом внешняя форма этих элементов может представлять в разных вариантах, но привязанность их к определенным контекстам показывает, что в диахронии, быть может, не для создателя, а для культурной традиции в целом они, даже преобразуясь, сохраняли свою семантику, а для носителей, осознавали они это или нет. – смысл. Так, А.Л. Толорков пришел к выводу: «При изучении символических структур, как и в случае с естественным языком, исследователь восстанавливает в результате достаточно сложных процедур глубинную структуру, которой бессознательно владеет носитель традиции; последнему же доступна, как правило, лишь поверхностная семантика»⁵². Сам факт устойчивой распространенности жгутовидных мотивов на анатолийских печатях позволяет предположить их знаковый характер. Подтверждением этому служат тексты ритуального и мифологического характера.

Веревка, нить – постоянный элемент в текстах анатолийских ритуалов. Упоминаются пояса из красной и белой шерсти и шнуры, привязывавшиеся к рожку царского головного убора⁵³. Нити и ленты служили ритуальными дорогами (примечательно, что их использовали при перемещении в повозке статуй богов) при обрядах перенесения недугов и магической нечистоты и ритуала освобождения, излечения⁵⁴ и при вызывании божеств. В молитве Кантуцилиса говорится: «Дал мне веревку, чтобы я сбиться с пути не посмел»⁵⁵. В.Н. Топоров писал, что в анатолийских языках с веревкой этимологически связаны хеттские понятия «семья», «потомство», лувийские «семья», «зародыш»⁵⁶.

Из разноцветных нитей делали венки для статуй богов, ими обматывали ритуальные сосуды⁵⁷. На то, что разноцветие нитей было знаком полноты, завершенности, указывает ритуал, в котором царь и царица сплетали нить соответственно белого и красного цвета⁵⁸. В.Г. Ардзинба отмечает также, что в некоторых ритуалах применялись нити трех и пяти цветов. Из витых нитей делали венки, предметы, призванные окружать. Ритуальное хождение царя по кругу было мерой создания границы, барьера, актом, подтверждающим его права и защищающим от зла⁵⁹. Нить окружала, защищая и снимая при ее снятии опасность, и, будучи прямой, служила ритуальной дорогой. С прядением нити жизни связывались, как и во многих других традициях, образы женских божеств. Важно при этом, что в хеттской культуре, столь многим обязанной более ранним анатолийским традициям, богини судьбы – хаттского происхождения⁶⁰. Это еще раз указывает на то обстоятельство, что, если считать жгутовидные мотивы

⁵⁰ Янковская Н.Б. Предисловие // Вильгельм Г. Древний народ хурриты. М., 1992. С. 14, 16.

⁵¹ Osten. Ancient Oriental Seals... P. 148.

⁵² Толорков. Символика ... С. 92.

⁵³ Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С. 88.

⁵⁴ Луна, упавшая с неба. Древняя литература Малой Азии / Пер. с древнемалоазийских языков Вяч. Вс. Иванова. М., 1977. С. 63, 213–214, 218, 220–222.

⁵⁵ Там же. С. 11, 211, 226. О ритуале освобождения связанной заклятием природы см. Топоров В.Н. Хеттско-лувийская Калпишера: мифологический образ // Древняя Анатолия. М., 1985.

⁵⁶ Он же. Праславянское *uьgъ* и его продолжение // Структурно-типологические исследования в области славянских языков. М., 1973. С. 119.

⁵⁷ Ардзинба. Ритуалы и мифы... С. 211–213.

⁵⁸ Там же. С. 212.

⁵⁹ Там же. С. 88.

⁶⁰ Там же. С. 12, 212 и др.

по крайней мере отчасти связанными с нитью или веревкой, их происхождение нет оснований ассоциировать исключительно с хеттской, индоевропейской традицией.

В архаических индоевропейских традициях мотив прядения шерсти обладает широкими смысловыми перспективами. Шерсть и веретено связаны с нижним миром, при этом на шерсти сидят змеи. Прядение шерсти – источник богатства, символ судьбы.

Предметы, создававшиеся в процессе производства (когда нужно плести, лепить, связывать), служили одновременно метафорами поэтической речи. Примеры из разных традиций превратили бы эту статью в монографию. Ограничимся лишь одной цитатой, относящейся к богатой такими мотивами славянской культуры: «Женское рукоделие – прядение, ткачество, вязание, вышивание да и просто шитье – это тоже, по сути, плетение и сплетение нитей. И вот параллельно этому плетению плели языком, рассказывая сказку в виде словесной плетенки или речевой пряжи... Тут связь устанавливается не на бытовом, а на более древнем, праисторическом уровне... Сказочная пряжа это одновременно и плетение судьбы, и плетение речи (некогда священной речи)»⁶¹. Можно упомянуть, что в традициях германцев и кельтов, словесным текстам которых присущи сложные конструкции типа кеннингов, были распространены и сложные плетеные орнаменты⁶².

В анатолийском обряде избавления от колдовства сплетают виноградные ветви и говорят: «То, что сказал колдун./То, что связал колдун./То, что колдун запутал.../Колдун, как столб огромный./Сплел колдовство, как нить...»⁶³. По-видимому, неслучайно на анатолийских печатях с мотивом жгута соседствует изображение орла. В тексте об ововобождающей связанную природу богине Камрусепе говорится, что наряду с элементами природы связаны крылья орла. Эта богиня – чесальщица шерсти – материала, служившего для изготовления нитей⁶⁴. В то же время шкура барана служила символом всеплодия⁶⁵.

В этой традиции весьма наглядно проявляется принадлежность образов пряжи, мохнатой шкуры и нити к одному семантическому полю, в котором преобладают мотивы жизни, безопасности, изобилия⁶⁶. На изделиях из овечьих шкур, в контексте реаллий БМАК еще придется остановиться.

Очевидно, что анатолийские ритуалы с нитями, лентами, веревками предполагали сильные ощущения у отправителей обрядов, ощущения установления их связей с божествами. Вряд ли можно сомневаться в принадлежности их к экстатическим хотя бы потому, что обряды такого рода можно считать общечеловеческими. Выразительные данные на этот счет содержатся в других традициях.

О месте нити и веревки в ритуалах, о том, что нить опоясывает и соединяет, связывает, большой материал был собран М. Элиаде. Он писал о постоянном использовании образа нити в индийской традиции, в ритуалах перехода и экстатических обрядах. Космические нити-струны поддерживают вселенную, и их разрушение ведет к концу света. Деятельность космических сил – Солнца, Ночи и Зари, Атмана или Брахмана, бога Кришны, Варуны, Вритры, божеств смерти определяется тем, что они – «хозяева нитей». Наиболее адекватный образ существования – нить, паук, уток, ткачество⁶⁷. Рассмотрев данные разных традиций, М. Элиаде пришел к заключению, что веревка – ключевой образ в представлениях людей о жизни космоса, человеческого существования, тайного знания. В архаических культурах он всегда предполагает подъем на небо и умение летать. Вывод его вполне правомерен: «...образы нити, веревки постоянно будоражат воображение человека и его мысль. Значит, образы эти соответствуют чрез-

⁶¹ Синяевский А. Иван-дурак. М., 2001. С. 109–110.

⁶² Стеблян-Каменский М.И. Труды по филологии. СПб., 2003. С. 306–308.

⁶³ Луна, упавшая с неба... С. 220–221.

⁶⁴ Там же. С. 63–64.

⁶⁵ Там же. С. 61.

⁶⁶ Топоров В.Н. Пряжа // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1982. С. 343.

⁶⁷ Элиаде М. Мефистофель и андрогин. М., 1998. С. 287, 291–303.

вычайно глубинному опыту и, в конечном счете, выявляют ситуацию положения человека в мире, которое невозможно выразить другими символами и образами»⁶⁸.

Круговое и вертикальное расположение веревки отмечает разные стороны ее значения в ритуалах – замыкать и связывать (вспомним вертикально расположенные жгуты, упомянутые Х. Фон дер Остенем, по сторонам которых стоят адоранты). Б.А. Литвинский, исследуя «веревочное» оформление устья медных котелков железного века из Индостана и Памира, интерпретировал их как обладающих сакральным значением магического круга. Он предположил, что этот мотив можно интерпретировать в контексте шаманских ритуалов: «По-видимому, древние верили, что в процессе ритуального действия круг "веревочного" орнамента размыкается и, меняя направленность, устремляется вверх, соединяя полюс жертвоприношения с небесами, с небесным полюсом»⁶⁹.

Немаловажно, что у хеттов, как и в месопотамских обрядах, веревка была священным символом правосудия⁷⁰. Таким образом, жгутовидные мотивы на печатях социально выдвинутых людей приобретают еще один смысловой оттенок, указывая на их особый статус в картине мира.

О том, что ритуалы носителей БМАК могли носить экстатический характер, говорилось неоднократно, в первую очередь из-за использования напитков на основе особых растений⁷¹, но также исходя из более общих соображений о следовании носителей этой культуры шаманистским доземледельческим представлениям⁷². Вероятно, предположение о бытовании у носителей БМАК ритуалов экстатического характера вполне правомерно не только на этом основании, но и потому, что такие обряды характерны для древних и архаичных традиций народов всего мира. Такие обряды до недавнего времени практиковались в традиционной культуре народов Средней Азии; исследователи рассматривают их как шаманские. В настоящее время возвращение к таким ритуалам происходит в Сибири.

У народов Средней Азии и Казахстана в шаманских ритуалах использовали веревку или полосы материи, которые располагались вертикально⁷³. В обрядах такого рода веревка выступает как символический заменитель «мирового дерева», как связывающий миры путь⁷⁴. У сибирских народов с их хорошо сохранившейся традицией шаманизма мотивы веревки, вышивки и ремня выступают как знак границы, пути, соединения, а ленты-змеи – как духи-помощники шамана и пути жертвы⁷⁵.

Исследователи материальной культуры, по крайней мере профессионалы, насколько известно автору этой статьи, обращали мало внимания на семантику жгутовидного, или веревочного, орнамента. Они рассматривали его как имитацию результатов других видов производства – плетения корзин и подобных вместилищ, ткачества и т.д. Между тем сейчас совершенно очевидно, что любые действия людей осмысляются, что они являются не только утилитарными актами, но знаками, определяющими их место в картине мира. В огромных количествах культур, особенно эпохи неолита и раннего металла от Японии до Западной Европы, использовался этот мотив, наносили его различным образом (в частности, прибегая к зубчатым штампам) для орнаментации наиболее известных археологам вещей – керамических сосудов. Судя по всему, утилитарно-сакральный образ оплетения служил знаком сохранения обилия, гарантией неиссякаемости находящегося в нем, магическим знаком того, что вместилище не останется пустым.

⁶⁸ Там же. С. 325.

⁶⁹ Литвинский Б.А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкономика и палеодемография Евразии. М., 2000. С. 86 сл.

⁷⁰ Луна, упавшая с неба... С. 282.

⁷¹ Сараниди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989. № 1. С. 158; Мейер-Меликян Н.Р. Определение растительных остатков из Тоголок 21 // Сараниди. Древности страны Маргуш... С. 203–205.

⁷² Аруз Д. Образы сверхчувственного мира: бактрийско-маргианские печати в их связи с Ближним Востоком и долиной Инда // ВДИ. 1998. № 2. С. 82.

⁷³ Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992. С. 87–88.

⁷⁴ Там же. С. 202.

⁷⁵ Новик Е.С. Обряды и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С. 125, 128, 141–142, 204.

Образ нити неразрывно связан с образом пряжи, а значит и ее создания – ткани, одежды, но также с исходным материалом – шкурой животного. С глубочайшей древности, как показывают данные изобразительной традиции Месопотамии, высокопоставленные люди носили одежды из овечьих шкур или тканей, имитировавших мохнатую поверхность шкур. Это не могло быть случайным. Известно, что овца считалась символом обилия⁷⁶. Традиция ношения подобных одежд распространилась далеко на восток и северо-восток, в Иран и на территорию БМАК. Из погребений происходят многочисленные каменные фигурки женщин в таких облачениях. Эти же облачения носят, вероятно, богини на металлических печатях (рис. 1, 1; 2, 1). Носили их и знатные люди в Сузиане и других регионах, включая Восточный и Северный Иран, в III – первой половине II тыс. до н.э.⁷⁷ Их принадлежность людям высокого социального ранга, носителям всякого рода благодати и изобилия, очень показательна.

Может возникнуть вопрос: есть ли смысл исследовать семантику знака, если он является практически универсальным по крайней мере в пределах обширного региона? Но ведь культура человечества обладает массой общих признаков и в конечном счете едина, однако формы проявления ее элементов в разных сообществах имеют различия, в конечном счете придающие культурам их неповторимый облик. Когда речь идет о письменной древности, о времени существования государств, специфика акцентировки оттенков общих черт у разных народов, как и изучение их специфических судеб, естественно становится объектом исследований. Но почему не попытаться определить хотя бы некоторые оттенки мировосприятия и носителей бесписьменных культур в тех случаях, когда они обладали богатой изобразительной традицией?

Актуальность для носителей БМАК мотива круга и сочетающихся с ним крестообразных и многолучевых мотивов, как и мотива жгута, веревки, не вызывает сомнений. Доминирующая форма круга-штампа и преобладание геометрических или геометризованных мотивов резко отличают их печати-амулеты от цилиндрических печатей Месопотамии и тяготевших к ней в культурном отношении стран, в первую очередь Юго-Западного Ирана. При том, что все печати связаны с представлениями о магической защите, охране обладателя, цилиндры типа месопотамских по крайней мере с конца IV тыс. до н.э. принадлежат к типологически более сложноструктурированной культуре, в которой образ мира не только вербально, но и визуально выступает как весьма дифференцированный и антропоморфизированный. Перед обладателем печати, когда он общается со сверхъестественным, предстает его бог-покровитель, который, как и владелец печати, – частица столь же антропоморфизированного и дифференцированного социума. Очень рано акцент делается на индивидуализированные отношения, присущие государственной системе, где между просителем и подателем благ стоит немало посредников.

П. Амье, определивший круг культур на территории Ирана за пределами существования государственных образований III–II тыс. до н.э. как «трансэламские», писал об этих различиях, основываясь на немногочисленных, но все же информативных находках. «Иранский пантеон, изображенный на трансэламских печатях, предстает менее богатым и менее разнообразным, а значит, – менее разработанным, чем месопотамский пантеон, где боги персонифицировали взаимодополняющие друг друга космические элементы. Этот более простой пантеон скорее всего соответствует слабой политической системе, включающей в себя разные этнические образования и племена»⁷⁸.

В печатях БМАК, по крайней мере в определяющих их облик комплексе с мотивами круга, крестообразных и многолучевых фигур, представляется вероятным усматривать максимально обобщенный образ космоса, воплощенный в геометризованные мотивы типа мандалы. Доминирование этих мотивов позволяет полагать, что в их об-

⁷⁶ Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции мировосприятия. М., 1984. С. 110.

⁷⁷ Amiet. L'âge des échanges inter-iraniens... I II. 61, 83, 110, 113–114, 149, 201–203.

⁷⁸ Амье П. Богини и царицы Элама // ВДИ. 1997. № 1. С. 100.

рядах именно условные структуры такого рода играли чрезвычайно важную роль, что указывает на специфику обрядово-мифологической системы носителей этой культуры. В то же время по целому ряду признаков можно предположить, что в образах глиптики БМАК, как и в образах наиболее развитой и изученной глиптики Месопотамии, а также хараппской цивилизации⁷⁹ находили отражение ритуалы, имевшие сезонную привязку. Собственно, это положение для всех исследователей первобытного, древнего и традиционного искусства очевидно. Вопрос в том, как мы можем выявить ритуалы, которые отразились в определенных изобразительных мотивах.

Для носителей БМАК, насколько можно судить по известным данным, определение себя в сакральном пространстве и его защита через ограничение, ограждение, в частности, при помощи конструкций из веревки или шнура, имели чрезвычайно важное значение. То обстоятельство, что форму круга, в том числе со жгутообразным обрамлением имело подавляющее большинство печатей-амулетов, очень показательное. Таким образом все, помещавшееся внутри изобразительного поля, приобщаясь к сакральному пространству, само сакрализовалось, наделялось особыми свойствами.

Примечательно стремление носителей этой культуры (или культур ее круга), по крайней мере на определенном этапе, сооружать общественно значимые постройки со стенами строго геометрического плана, тяготеющие к квадрату или кругу. В некоторых случаях (Сапаллитепа, Дашлы 3) они имели дополнительные элементы, придававшие им причудливую форму. Сложные оборонительные, в каких-то случаях не столько с практической, сколько с магической точки зрения сооружения такого типа, при том, что им не предшествуют более ранние постройки, демонстрируют стремления первопоселенцев преодолевать дискомфорт на новом месте, воссоздать в непригодных условиях образ своего мира, его модель, обеспечивающую безопасность. «Чтобы жить в этом мире, его нужно основать...»⁸⁰.

В контексте предлагаемой работы возникает вопрос, имеющий самое непосредственное отношение к ее цели: есть ли у нас основания определять символику круга и крестообразных фигур в БМАК? Нельзя исключать тенденции связывать символику круга с небом (если не с пространством мира в его целостности), а четырехсторонних (и более) фигур – с образами сторон света, а значит, земли. Вряд ли можно согласиться с Т.Ш. Шириновым, считающим крестообразные фигуры лишь астральными символами⁸¹. Нам уже приходилось писать о близости крестообразных фигур и дерева в анауской культуре, сыгравшей, по всей видимости, важнейшую роль в генезисе БМАК⁸². В настоящее время кажется целесообразным полагать, что круг был знаком, обозначающим сакральное окружение, защиту, изобилие, противодействие злу во всех его проявлениях. Крестообразные и подобные им фигуры могли соотноситься с миром, с его сторонами и различными проявлениями (деревья – опоры мира, животные, маркирующие его стороны, растения, символизирующие его обновление, и т.д.). В различных ситуациях эти фигуры могли выступать как альтернативные или дополняющие друг друга (примеры этого см. у М. Элиаде⁸³).

В этом контексте и с учетом предполагаемых аналогий из других традиций образ жгута на вещах приобретает особый смысл. Он указывает на представления о связанности человека с элементами мира, на возможность воздействия на мир через ритуал, в котором могли использоваться как всякого рода шнуровидные изображения, так и настоящие вещи – веревки, полосы ткани. Этот мотив бытовал в культуре, которой были присущи экстаические ритуалы. На это указывают не только находки остатков вызывающих возбуждение растений, но и изображения животных в возбужденном состоянии.

⁷⁹ Антонова. Очерки культуры древних земледельцев... С. 180–186; Franfort. Dungeons and Dragons...; Волчок Б.Я. Протоиндийские божества // Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. Ч. II. PROTOINDICA. М., 1972. С. 289, 292–298.

⁸⁰ Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Киев–Москва, 2002. С. 43.

⁸¹ Ширинов Т.Ш. Средняя Азия во II тысячелетии до нашей эры и протозороастризм // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 31. Самарканд, 2000. С. 39.

⁸² Антонова. Очерки культуры... С. 75.

⁸³ Элиаде. Оккультизм... С. 44–47.

Жгутovidные мотивы на вещах БМАК указывают на существование ритуалов и мифологических текстов, в которых реализовались образы окружающей мир змеи и обтекающих его вод, края, предела, связи между зонами по вертикали. В поле их значений – и образы обновляющейся природы, изобилия, процветания, жизни и долголетия, безопасности и судьбы, власти. В ритуалах этой культуры универсальный знак круга сочетался с образом жгута, пряденой из шерсти нити или веревки и изделий из нее, в частности одежды⁸⁴. Другие знаки «притягивались» на различных основаниях – внешнего сходства (змея, вода, вьющееся растение), функции (покрывать, окружать, защищать – стены архитектурных комплексов, браслеты, шейные украшения, пояса), принадлежности к периодам хозяйственной деятельности (периоды ухода за скотом, женские домашние работы – прядение, ткачество).

Как и в других случаях интерпретации семантики и смысла ритуальных вещей или вербальных мотивов, присущих культурам традиционного типа, внимание к одному влечет за собой обращение к цепочкам вещественных воплощений значений и смыслов, которые в конечном счете предполагают реконструкцию образа мира. Разумеется, особенно когда объект – свидетельство бесписьменной культуры, результаты реконструкции более, чем в более благоприятных исследовательских ситуациях, носят гипотетический характер.

ON INTERPRETATION OF TWIST MOTIFS
ON THE OBJECTS OF THE ARCHAEOLOGICAL COMPLEX
OF BACTRIA AND MARGIANA

Ye. V. Antonova

The author analyzes the semantics of various twist motifs framing the images on amulet seals of the archaeological complex of Bactria and Margiana (the greater part of the objects in question are round in form). This motif is considered to be a symbol of sacral border keeping out the evil and retaining the good. The analyzed material of this complex and some analogies in other traditions make it possible to maintain that for its creators the motif was connected with real things bearing a mythological meaning, such as ropes and threads, but also with snakes, water and the ideas of reviving nature, abundance, life and power. As it is usually the case with signs used within a traditional culture, the semantics of twist must be referred to the image of the world relevant for its creators. It is highly probable that ropes, stripes etc. were used in ecstatic rituals reflected in the evidence of other types (the use of plants causing ecstatic states and the character of the images on the seals).

© 2005 г.

О. М. Городецкая

ЛИКИ ШАН/ИНЬ (КИТАЙ, II тыс. до н.э.)

Китай – цивилизация множественного числа. В исходных понятиях китайского языка присутствует не человек, а люди, не Небо, а троичные, пятеричные, девяттеричные, восьмидесятидноричные небеса, не Земля, а земли, не Бог, а сонмы духов и божеств. Тому же закону множественности подчинена и китайская история. В течение тысячелетий на территории Поднебесной сменялись разноименные большие и малые государства, мировые и локальные культуры. Но при этом одной из важнейших особенностей большинства китайских культур последних трех с лишним тысячелетий является исто-

⁸⁴ Напомним, что во многих традициях прядение и ткачество осуществляются одним мифологическим персонажем (*Гопоров. Пряжа...*).